

Оригинальная статья / Original article

УДК 391/393(571.5)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-106-116>

Сакральный образ мира мертвых у бурят

© С.Б. Миягашева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье описываются представления о загробном мире у западных бурят, которые связаны с почитанием административной власти и управленческих структур. Подобные мотивы определяются мифологизацией традиционных представлений в рамках рационального осмысления, вызванного появлением новых видов социальной организации у бурят, сложившихся в процессе присоединения Сибири к Российскому государству в XVII–XVIII вв. Выявлено, что многие аспекты архаичных шаманистических представлений о душе и ее загробной жизни были гармонично инкорпорированы в воззрения о сложном бюрократическом устройстве подземного мира. Они нашли отражение в религиозно-мифологических представлениях, в частности, в устройстве и структуре потустороннего мира, в представлениях о загробном суде, культах писарей и шуленг, сакрализации и наследовании родовой власти, а также верованиях о грозных карателях в лице восточных небожителей во главе с Эрлик ханом. Разбор семантики и структуры мифологических верований, связанных с представлениями о мире мертвых показал, что в мировоззрении западных бурят Эрлик хан выступал в образе демиурга, владельца душ живых и мертвых, главного сакрального судьи. На основе анализа обрядовых текстов предбайкальских шаманов вводятся в научный оборот архивные материалы из фонда Центра восточных рукописей и ксилографов.

Ключевые слова: загробный мир, шаманизм, бурятские родоначальники, культ писарей, культ шуленг, арюуни тэнгри, Верхоленская степная дума, Эрлэн хан, архив С.П. Балдаева, удха нойон, восточные хаты

Информация о статье: Дата поступления 9 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 6 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Миягашева С.Б. Сакральный образ мира мертвых у бурят // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 106–116. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-106-116

Sacred image of the world of the dead at Buryats

© Surjana B. Miyagashева

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract: The article describes the ideas about the afterlife of Western Buryats, which are associated with the veneration of administrative power and management structures. Such motives are determined by the mythologization of traditional ideas in the framework of rational understanding caused by the emergence of new types of social organization among the Buryats, who were formed in the process of Siberia's accession to the Russian state in the XVII–XVIII centuries. It is revealed that many aspects of the archaic shamanistic ideas about the soul and its afterlife were harmoniously incorporated into the views of the complex bureaucratic structure of the underworld. They are reflected in religious and mythological ideas, in particular, in the structure of the other world, in ideas about the aftermath court, clerks and shulengs, sacralization and inheritance of tribal power, as well as beliefs about terrible deities represented by eastern celestials led by Erlik Khan. Analysis of the semantics and structure of mythological beliefs related to the ideas about the world of the dead showed that in the Western Buryat worldview, Erlik Khan appeared in the image of the demiurge, the owner of souls alive and dead, the chief sacral judge.

Keywords: afterlife, shamanism, Buryat ancestors, cult of clerks, cult of shulengas, Aryuni Tengri, Verkhorenskaya Steppe Duma, Erlen Khan, S. P. Baldayev archive, udha noyon, western deities

Article info: Received April 9, 2019; accepted for publication May 6, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Miyagasheva S.B. Sacred image of the world of the dead at Buryats. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 106–116. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-106-116

Введение

У предбайкальских бурят смерть представлялась как переход в иной мир, куда отправляется душа умершего человека. Мифологические воззрения о мире мертвых у бурят были довольно разнообразными и противоречивыми в виду того, что их архаическая основа постоянно трансформировалась, подвергалась различным интерпретациям, вбирая в себя различные аспекты, в зависимости от историко-культурных факторов.

Учитывая, что похоронно-поминальная обрядность, представления о смерти, различные приметы и поверья о душе образуют собой семантически насыщенные источники о мифологических и практических основах традиционной культуры бурят, исследователями было опубликовано довольно большое количество научных работ. Однако остались не вполне затронутыми воззрения шаманистов о самом облике загробного мира, его структуре, законах и механизмах его управления, характеристике его представителей, хотя в них содержатся уникальные коды, раскрывающие многие мифо-ритуальные мотивы в мировоззрении бурят.

Существенный вклад вносят материалы из личного фонда С.П. Балдаева, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, собранные им по Иркутской области в 1930–1950 гг. Именно в его полевых записях были обнаружены тексты шаманских призываний, описания и комментарии к ритуальным обрядам, которые позволяют выявить и проанализировать целый пласт, уникальное мифологическое пространство и обрядовую традицию, связанную с представлениями о загробной жизни.

Благодаря подобной источниковой базе удалось установить специфический ритуально-обрядовый комплекс, связанный с представлениями

ми об ином мире как зеркальном отражении государственных и социальных институтов власти и подразумевающий почитание принципов административного управления, государственных служащих, чиновников и представителей родового управления. Подобная традиционная картина сакрализации загробного мира как системы с режимом государственного и правового регулирования получила свое развитие у предбайкальских бурят в XVII–XVIII вв. в связи с вхождением Сибири в состав Российской империи.

Судить о том, что подобные специфические особенности традиционных представлений западных бурят удавалось зафиксировать крайне редко и отрывочно позволяют заметки из полевых материалов бурятских этнографов. Например, в отчетах этнографических экспедиций маститого ученого, посвятившего себя исследованию шаманизма западных бурят Т.М. Михайлова, отмечено, что ему удалось лишь вкратце записать некоторые сведения о культе писарей *бэшээшэнгуудтэ* во время экспедиции по Иркутской области. Он отмечал: «На мой вопрос: буряты раньше не учились, не имели письменности, а как же и почему устраивали молебствия *«бэшээшэдтэ»?* – старики, с которыми беседовали, ответили, что черный люд действительно не имел грамоты, не учился, но зато у богов и духов имелась якобы грамота... *Задача исследователя – выяснить»* (Материалы этнографической экспедиции..., 1963. С. 58–59)¹.

¹ ЦВРК. № 2388, старый № 3082. Материалы этнографической экспедиции Т.М. Михайлова в Боханском районе Иркутской области (села Хоргилок, Буреть, Маньково, Харатирген). 1963 г. 65 л. Center for Oriental manuscripts and woodcuts (COMW). Nr. 2388, old Nr. 3082. The materials of the ethnographic expedition of T.M. Mikhailov in Bokhansky district of the

О том, что сведения про культы, связанные с поклонением представителям подземного мира, известны немногим, отмечал и С.П. Балдаев, который подчеркивал, что обряды почитания высшей власти в лице Эрлэн хана и его штата помощников – восточных хатов – долгое время оставались незафиксированными и многие его элементы забыты: «Одна область бурятского шаманства почти не разработана, даже нет о нем данных у М.Н. Хангалова» (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. С. 19)².

Эрлик хан

Эрлэн хан (Эрлик хан, Эрлик номын хан, Тольто-хан) – глава восточных небожителей хатов, владыка загробного мира, судья мертвых (Михайлов, 1980. С. 168; Галданова, 1987. С. 62). Его образ был широко известен у монгольских и тюркских народов Сибири, в традиционном мировоззрении которых он воспринимался неоднозначно.

Известно, что в мифологии тюрков Южной Сибири Эрлэн хан считался небесным творцом и владыкой всех существ, так как именно он наделил душой человека, вдохнув ее в тело (Потапов, 1983. С. 105). Алтайцы и хакасы почитали его как отца и патрона (Бурнаков, 2011. С. 108) и в целом, все живое, обитающее в земле, под землей, в воде, считалось принадлежностью Эрлэн хана и Нижнего мира (Традиционное мировоззрение, 1988. С. 5). В бурятской мифологии Эрлэн хан имеет тюркское происхождение (Галданова, 1987. С. 63), и в связи с этим его образ скорее положительный, чем негативный (Содномпилова, 2009а. С. 17). Несмотря на то, что у бурят Эрлэн хан не был известен в роли дарителя души, тем не менее, на наш взгляд, смысл многих мотивов, связанных с идеями о потустороннем мире, указывает на подобные аспекты.

Во-первых, по полевым материалам Д.Б. Батоевой, буряты проводили обряд испрашивания

сульдэ ребенка у 44 тэнгри, называемых *харын зугэй тэнгри* – божеств черной стороны, т. е. у восточных хатов, во главе которых стоял Эрлэн хан (Обряды, 2002. С. 35). Во-вторых, в мифологических представлениях предбайкальских бурят Эрлэн хан распоряжался душами всех существ – не только умерших, ожидавших судного дня, но и душами живых людей, которые по приказу хозяина могли быть похищены его верными слугами *элшинами* и доставлены в его ведомство, в результате чего человек заболел и скоропостижно умирал (Хангалов, 2004а. С. 374). Таким образом, в бурятской мифологии прослеживаются следы почитания Эрлэн хана в образе создателя и владыки душ – он мог ее даровать, отобрать в любой момент, мог и вернуть, тем самым судьба человека была в его руках.

В последующем в мировоззрении тюрко-монгольских народов владыка мира мертвых стал отождествляться божеством, забирающим к себе людей, когда кончается их земная жизнь. Душа, пойманная посланниками, или душа человека, умершего своей смертью, по прибытии в иной мир представлялась на суд Эрлика. По традиционным воззрениям хакасов, Эрлик хан определял меры и виды наказаний для людей, совершивших в своей «земной» жизни злодеяния (Бурнаков, 2011. С. 112). У монгольских народов Эрлэн хан также позиционировался как представитель высшего суда в мире мертвых (Содномпилова, 2009а. С. 17).

В мифологии бурят считалось, что именно восточные небожители хаты судили и определяли участь живых и мертвых, их называли *арюуни тэнгэри* – «очистительные божества». Они выполняли роль грозных судей в потустороннем мире, регулировали ритуалы дачи клятвы и принятия присяги, сурово карали за их несоблюдение и следили за надлежащей службой (Миягашева, 2018. С. 200). Например, при вступлении в административную должность каждое должностное лицо – голова, родовой староста, выборный инородной управы или тайша были обязаны давать публичную клятву и провести кровавое жертвоприношение восточным хатам *арюуни тэнгэри*. Самым сложным и почетным считался обряд Эрлэн хану, которому

Irkutsk region (villages Khorgilok, Buret', Man'kovo, Kharatirgen). 1963 65 p.

² ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Материалы по шаманству качугских бурят. 1935 г. 52 л.
СOMW. F. 36. L. 1. File 1064. Materials on the shamanism of Kachug Buryats. 1935 52 p.

необходимо было принести в жертву одну лошадь, одного быка, трех козлов, трех баранов и сто котлов молочной водки. В случае ложной клятвы в жертву божествам оказывались принесёнными сама жизнь клятвопреступника, а также благополучие его потомства (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Л. 50–52)³. Вероятно, обряды в честь *арюуни тэнгри* относились к категории сложных для исполнения, и не каждый шаман мог рискнуть его провести, опасаясь мгновенной кары восточных хатов в случае незначительного промаха при проведении ритуала.

У предбайкальских бурят считалось, что души живых людей, в основном провинившихся или нарушивших клятву, ловили слуги Эрлэн хана (Хангалов, 2004а. С. 374). Посланниками Эрлэн хана считались грозные черные всадники *хара моритон*. В мифологии бурят главной атрибуцией черных всадников выступает темнота – считалось, что они разъезжали по свету в черных повозках, запряженных воронными конями и, таким образом, развозили заразные болезни и несчастья (Манжигеев, 1978. С. 55).

В последующем подобные шаманистические мотивы о гонцах за душами людей были трансформированы буддизмом и в мифологических сюжетах появились верования, что по истечении срока человеческой жизни Эрлик номун хан посылает на землю своего посланца *элчи с цолмой* – железной цепью, имеющей на одном конце копьё с кольцом, а на другом с крючком (ЦВРК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 6)⁴. Также в буддийской трактовке Эрлэн хан именовался Тольто хан – «Царь с зеркалом» в связи с тем, что он держит зеркало *толи*, в котором отражаются все грехи и благодеяния человека (ЦВРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 23)⁵. Подобные воззрения

формировались под значительным влиянием мировых религий с их идеей посмертного воздаяния.

В целом Эрлик хан представлялся как владыка человеческих душ, высший сакральный судья, повелитель мира мертвых и занимал значительное место в традиционном мировоззрении западных бурят. Владыку Нижнего мира просили даровать *сульдэ* детей, он определял судьбы всех живых существ на земле, судил их души по заслугам после попадания в иной мир, закреплял присягу и клятву, визировал власть, поэтому в честь него и подчиненных ему восточных хатов устраивали кровавые жертвоприношения.

В традиционных представлениях бурят мифический образ Эрлэн хана и Нижнего мира получил дальнейшее развитие в связи с историко-культурными факторами и стал религиозным отражением политических режимов, существовавших в феодальной Монголии и царской России (Манжигеев, 1978. С. 104).

Организационная структура мира мертвых

У бурят смерть не считается концом существования человеческой души – она продолжает существовать и после физической смерти человека (Цыденова, 2009. С. 112), поэтому загробная жизнь представлялась продолжением земной жизни, только в ином мире. В связи с этим умершего одевали в лучшую одежду, снабжали пищей, за исключением молочной, табаком, трубкой, деньгами и различными предметами труда и вооружения в зависимости от его пола и профессии (Хангалов, 2004а. С. 184).

Согласно шаманистическим представлениям бурят, пространство, куда отправлялись люди после своей смерти, было неоднородным. Потусторонний мир делился на мир предков (*эхэ эсэгын газар*) и мир мертвых (*ухэһэдэй газар*). Считалось, что в мир предков отправляется хорошая душа человека, умершего естественной смертью, называемая *заяа* или *сульдэ*, а в мир мертвых, владыкой которого являлся Эрлик хан – грешники, шаманы и умершие неестественной смертью (Галдано-

³ ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Материалы по шаманству качугских бурят. 1935 г. 52 л.

SOMW. F. 36. L. 1. File 1064. Materials on the shamanism of Kachug Buryats. 1935 52 p.

⁴ ЦВРК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Б. Бамбаев. Описание погребального обряда и его происхождение. 64 л.

SOMW. Fund. 11. List. 1. File 13. Vambaev. Description of the funeral rite and its origin. L. 64 p.

⁵ ЦВРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 23. Записи И.К. Баторова и П.П. Баторова. 64 л.

SOMW. F. 14. L. 1. File 23. Records of I.K. Batorov and P.P. Batorov. 64 p.

ва, 1987. С. 61). Таким образом, выделяются представления о расположении мира мертвых и распределении всех умерших на определенные категории, при этом обиталища располагались на разных пространственных уровнях.

Как отмечает М.М. Содномпилова, основой подобного разделения загробного мира на «мир предков» и «мир умерших» являются представления о расположении страны предков на юге, в связи с традицией погребения умерших сородичей на южных склонах родовых гор. В противоположность, страна мертвых не освещается солнцем и луной. Более того, она находится под землей и ее расположение соотносится с северным сектором пространства (Содномпилова, 2009а. С. 154). Именно восточная и северо-восточная стороны света символизируют направления, ведущие в потусторонний мир. Об этом свидетельствует выражение «зуулэхэ» 'направиться на восток', означавшее отправиться на «тот» свет, находящийся в «той» стороне. По представлениям предбайкальских бурят, «тот свет» располагался на северо-востоке за р. Леной (Зулхэ мурэн) в стране холода и вечной мерзлоты (Манжигеев, 1978. С. 54).

В целом в традиционной картине мира монгольских народов северная сторона наделяется спектром негативных значений и является местом пребывания черных, восточных злых божеств, посылающих всевозможные несчастья – болезни, непогоду, смерть (Жамцарано, 2001. С. 103). Подобные воззрения были присущи и тюркам Южной Сибири, у которых локализация нижнего мира также связывается с севером, который, как и запад, ассоциируется с низом, задней стороной (Традиционное мировоззрение, 1988. С. 44).

На наш взгляд, наличие различных локаций определения души после смерти является отголоском архаичного представления о разноуровневом устройстве потустороннего мира. Например, сложное устройство загробного мира можно проследить в верованиях эвенков, которые считали, что нижний мир состоит из двух частей: верхняя часть нижнего мира, которая ближе к земле, – называется *хэргэски* и в ней обитают души умерших. Ниже находится вторая часть, которая рисуется подзем-

ной пропастью, где обитают умершие шаманы. Помимо них имелось место *бун*, в который попадают старики, уроды, души вредных животных, т. е. тех, которые по представлениям эвенков, не имеют души (Ермолова, 2009. С. 108–109).

Мотив многоуровневости нижнего мира являлся распространенным в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов. Алтайцы и хакасы считали, что пространство нижнего мира делилось на 9 ярусов сфер и слоев (Радлов, 1989. С. 361). У бурят, согласно мифологическим представлениям о мироздании, подземный мир имеет несколько слоев, наряду со срединным миром, который делился на семь слоев *долоон Замби* (Аламжи Мэргэн, 1991. С. 205). Вероятно, представления о многослойности и многоуровневости были трансформированы и представлены в поздней переработке идеи загробного мира в качестве мест локаций и структуры, которые отражают аспекты составляющей подземного мира. Так, анализ мифов выявляет, что восточные духи судили души людей в присутственных местах или в сеймах *сулган*, которых насчитывалось 9 и они назывались *эһон хурмэ* (Хангалов, 2004а. С. 374). Рассмотренные выше материалы позволяют предположить, что 9 слоев нижнего мира были представлены в мировоззренческой картине подземного мира как места, где проводили суды и слушания, а разные уровни и слои позиционировались как структура управленческого, дознавательного и следственного характера.

Помимо этого, символика указанных чисел обыгрывается и в устройстве подземного мира посредством мифа о существовании 99 темниц, располагаемых в одном из самых страшных и труднодоступных мест *Эрлэн тама* – большой темницы, находящейся под распоряжением самого владыки подземного мира. Считается, что из этой темницы невозможно освободить душу человека, так как она недоступна шаманам (Там же. С. 373–374). Помимо 99, существуют 88 темниц, в которых томятся человеческие души тех, кто обречен на смерть. Западные буряты считали, что в них применялись адские приемы дознания и испытания человеческих душ (Манжигеев, 1978. С. 104). Согласно ми-

фологии, этими темницами ведует Хурмэн эжин или Хо Хара нойн, которому прислуживает множество писарей и чиновников (Хангалов, 2004а. С. 374).

Помимо чисел 8 и 9, в мировоззрении бурят получила развитие символика числа 7. У шаманистов существовали верования о том, что существовало семь способов наказания провинившихся людей в загробном мире. Столько же насчитывалось видов ада *долоон тама* (Манжигеев, 1978. С. 43). Немаловажно, что конфигурация числа семь упоминается в монгольских обрядовых текстах в сюжете о том, что мир мертвых располагается за семью мифическими горами (Содномпилова, 2009b. С. 78).

Если первоначально в локализации подземного мира изначально четко ограничивались две категории – места определения душ умерших естественной смертью и душ шаманов, т. е. избранных, то в круг последних стали входить еще родоначальники и административные служащие, т. е. представители родовой аристократии. В связи с этим в структуре подземного мира стали разграничиваться места, такие как *Эрлэн тама*, куда попадают только души грешников, в том числе отступников клятвы и присяги, шаманов и служащих лиц, т. е. чиновников, старост, старейшин, тайшей (Галданова, 1987. С. 61).

Расширяется структура потустороннего мира, и появляются мотивы избранничества. У предбайкальских бурят получило развитие представление о существовании большой темницы *Хаалга*, в которую попадают только большие и черные шаманы и родоначальники. Ее начальником считался Хаалга эжин (досл. «хозяин Врат») по имени Хара эрэн хан. Считалось, что из этой темницы очень трудно освободить душу, только заручившись ходатайством покойных предков шамана, если они имеют доступ к этому заяну (Хангалов, 2004а. С. 374).

Апогеем мотива избранности является идея о существовании запредельного места, называемого Уленши. В мировоззренческих представлениях предбайкальских бурят души избранных Эрлэн ханом попадали в Уленши или Улин, который представлял собой не то подземный, не то загробный мир, где обитают бессмертные души умерших лю-

дей (Манжигеев, 1978. С. 80). Считалось, что Эрлэн хан нуждался в способных и одаренных людях, и к нему попадали избранные, такие как души хороших ремесленников, грамотных людей или хорошо шьющих женщин, которые после своей смерти продолжали заниматься своим делом и ремеслом. В связи с этим буряты полагают, что умные и талантливые люди, хорошие мастера и грамотеи недолговечны, потому что в них нуждаются в подземном мире Эрлэн-хан и его посланцы похищают их души (Хангалов, 2004а. С. 326).

Вероятно Уленши демонстрировало идею особой загробной жизни одаренных людей и олицетворялось в качестве чертога, куда после смерти отправлялись талантливые полководцы, отважные воины, искусные мастерицы, а также писари и кузнецы (Цыбикдоржиев, 2003. С. 195). Подобное место обитания избранных душ Уленши являлось еще одним из множества ведомств и присутственных мест мира мертвых.

Персонажный код

В мифологических представлениях западных бурят в потустороннем мире существовала целая канцелярия для управления царством мертвых. В нее входили помощники, писари, доносчики, агенты, управлявшие разного рода делами восточные небожители, ведавшие душами всех существ и проводившие над ними суды после их попадания в загробный мир (Манжигеев, 1978. С. 104).

Согласно верованиям, царство мертвых возглавлял Эрлэн хан с женой Эхэлур Хара хатан, ему прислуживали министры – заведующий серебряной печатью Толи Сагаан нойон с женой Толто хатан, заведующий собранием нойонов и шаманов Харши Минаа хубуун с женой Харалтур Хара хатан, заведующий собраниями простолюдинов Эрю Хара хубуун с женой Эрхэ Сүйбэн хатан (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048. Л. 11–12)⁶.

⁶ ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048. Материалы по шаманству (рабочие тетради). Шаманство у бурят. Рабочая тетрадь С.П. Балдаева. 1948 г. 22 л.
СOMW. F. 36. L. 1. File 1048. Materials on the shamanism (workbooks). Shamanism of Buryats. Workbook of S.P. Baldaev. 1948 22 p.

Следующими после министров важную роль в управлении подземного мира играли писари *бэшэ-эшины*. В традиционном мировоззрении предбайкальских бурят считалось, что эти служители Эрлэна описали весь мир – все небо со звездами, землю со всеми растениями и животными и всех людей на земле и вели строгий учет над ними (Хангалов, 2004а. С. 259). Для того чтобы писари Эрлэна помогали и не препятствовали в делах, необходимо было совершать им кровавые жертвоприношения (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250)⁷. Обычно они проводились в безлунную ночь черными шаманами, соблюдая традицию ритуальных обрядов в честь восточных небожителей (Манжигеев, 1978. С. 104). Ритуальный обряд, посвященный писарям назывался *Эрлэн ханай бэшээшэнүүдтэ* или *бэшээшэдэ* (досл. «обряды в честь писарей Эрлэн хана»), и проводился бурятами вплоть до конца XIX в. по случаю поступления детей в школу, во время обучения, сдачи экзаменов, при вступлении на государственную административную или военную службу (Там же. С. 35, 104).

Культ писарей отражает идею сакрального избранничества, согласно которому в традиционном мировоззрении предбайкальских бурят избранные отправлялись служить Эрлэн-хану, а наиболее выдающиеся включались в пантеон восточных хатов. Анализ шаманских призываний и гимнов в честь писарей Эрлэн хана показывает, что служителями владыки подземного мира фигурировали реальные исторические писари, такие как Ухэр хара Тундутов и Ходой бэшээши. Также у предбайкальских бурят существовала традиция включения родовых шаманов, именно черных, в пантеон восточных заянов и в канцелярию чиновников и министров Эрлэн хана. В мифологии бурят встречается множество сюжетов о черных шаманах, служивших у Эрлик хана. Можно упомянуть Уха Тоголдор Холдуева, при жизни бывшего большим черным шаманом и после смерти служащего в подземном мире (Хангалов, 2004а. С. 373).

⁷ ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Бэшээшэнүүд – писари Эрлэн номын хана. 20 л. COMW. F. 36. L. 1. File 1250. Besheshenguud – Erlen nomyn Khan's scribes. 20 p.

Помимо различных ведомств и структур царства Эрлэн хана, имелась дверь в иной мир и страж, который охранял эти врата. В мифологии предбайкальских бурят им являлся второй писарь Эрлэн хана Ухэр хара (досл. «черный бык»). Считалось, что он является хранителем врат в подземный мир *ухэли уудэн*, через которые проходят души всех смертных после суда над ними, после прохождения которого они более не имеют права и возможности вернуться к земному бытию (Манжигеев, 1978. С. 82). В целом врата, двери – являлись одним из символов пересечения границ миров. Если земные люди по случайности попадали в нижний мир через разные пещеры, норы и могли вернуться обратно, то двери смерти определяли полное прохождение в мир мертвых, пройдя через которые невозможно было вернуться назад, и хранитель врат пропускал только души тех, кто прошел суд восточных хатов.

Таким образом, управление миром мертвых осуществлялось при помощи многочисленных служащих Эрлэн хана, у которых были четко определены функции, и их штат пополнялся шаманами и особо даровитыми чиновниками и родоначальниками. Именно последние представляли собой родовую аристократию, наделенную идеями сакрализации власти и даром избранничества *удха*.

Культ родоначальников и *нойон удха*

Культ почитания родоначальников у предбайкальских бурят опирается на архаичные представления о предках гениях-хранителях рода и мотиве избранничества на основе наследственного дара *удха*.

Этот культ был посвящен первым шуленгам Верхоленской степной конторы Хойлонго Бойрдоеву и Барлаку Турунхаеву (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211)⁸. Хойлонго Бойрдоев в исторических преданиях известен тем, что, будучи шаманом, без

⁸ ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Жертвоприношение первому главному шуленге Верхоленской Степной конторы Х. Бойрдоеву. 20 л. COMW. F. 36. L. 1. File 1211. Sacrifice to the first main Shulenga of the Verkholsk Steppe Office H. Boyrdoyev. 20 p.

согласия народа первым вступил в связь и вручил казакам символы подчинения в виде черных белок, ясака и ремня *харжа хэрмэн, хара хур* (Балдаев, 1970. С. 208). Установив тесные связи с русскими, Хойлонго Бойрдоев был избран на должность шуленги Верхоленской степной конторы и в последующем завещал свою административную должность Турунхай Барлаку – своему внуку. Учитывая, что назначенный шуленга был еще мал, то регентом была назначена его мать Харахан, которая на протяжении десяти лет успешно управляла бурятами и вела дела с русскими атаманами и воеводами (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 2–3)⁹. С тех пор служебно-административная власть шуленг у предбайкальских бурят стала наследственной. Таким образом, система управления, созданная администрацией Российской империи, сформировала инородническое чиновничество и закрепила право родовой знати в наследовании должностей в родовом управлении (Кудрявцев, 1940. С. 119). Лишь ко второй половине XIX в. ситуация меняется и господство наследственного права на должности родоначальников постепенно исчезает (Жамбалова, 2000. С. 62).

Власть шуленг, став наследственной, получила трактовку как наличие наследственности *удха* от восточных хатов и самого Эрлик хана. В результате в бурятском обществе было закреплено право родовой знати в наследовании должностей – *нойон удха* (букв. нойонское родословие, происхождение) (Болхосоев, 2016. С. 193), получив подкрепление в своей сакральности в мифологических аспектах. Наличие наследственности *нойон удха* давало право на вступление в должность, заверенную от восточных хатов, при этом считалось, если кто-либо, не имея родового права, занимал административную должность, то при малейшем неправильном решении или поступке мог быть строго

наказан духами *заянами*, заболеть или даже умереть (Хангалов, 2004b. С. 127).

Институт наследования административной должности является поздней переработкой шаманских представлений об обязательном наличии избранничества *удха* у шаманов и кузнецов, дар которых визировался самим Эрлик ханом. Опираясь на подобные верования, предки-родоначальники становились объектами почитания и поклонения и переходили в ранг покровителей рода. Так, главный шуленга Хойлонго Бойрдоев, который завещал потомкам схоронить его напротив степной конторы на г. Орголи, с тех пор ставшей священной усыпальницей выдающихся шаманов и чиновников, был возведен в ранг родовых покровителей. Буряты повсеместно устраивали ему кровавые жертвоприношения при выборе на административную должность (ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1075. Л. 41)¹⁰.

Вместе с развитием представлений о высшей избранности чиновников и родоначальников у предбайкальских бурят получил развитие ритуал почитания знаков отличия и оружия. Считалось, что сакральной силой обладали предметы, связанные с регалиями власти, такие как указ и кортик. По представлениям бурят они давали наследственное право быть *ноеном* – *удха ноен*. В связи с этим, западные буряты проводили ритуал *ноехоо идээлуулхэ*, который был описан С.Г. Жамбаловой у ольхонских бурят. Для его проведения семейную реликвию в виде кортика, передающуюся как родовая святыня от отца сыну, почитали в качестве вместилища духов предков и ежегодно умилюствовали путем «кормления» (Жамбалова, 2000. С. 276). Если почитание начальников шуленг проводилось при определенных обстоятельствах для вступления в должность, то *ноедоо идээлуулхэ* входил в категорию ежегодных, т. е. регулярных обрядов, проводимых ежегодно для привлечения удачи и успеха в роду, семье.

⁹ ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Жертвоприношение первому главному шуленге Верхоленской Степной конторы Х. Бойрдоёву. 20 л.
СOMW. F. 36. L. 1. File 1211. Sacrifice to the first main Shulenga of the Verkholsensk Steppe Office H. Boyrdojev. 20 p.

¹⁰ ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1075. Материалы по шаманству западных бурят. 1948 г. 181 с.
СOMW. F. 36. L. 1. File 1075. Materials on the shamanism of western Buryats. 1948 181 p.

Заключение

Изучение элементов сакрального образа мира мертвых у западных бурят позволяет выявить существование разнообразных мировоззренческих составляющих. Определенное место занимали сюжеты о мире мертвых, в котором души умерших продолжали существовать, следуя правилам и нормам, принятым в мире живых. Моделирование загробного мира было регламентировано теми же правилами и нормами поведения, и дальнейшее существование души напрямую зависело от качества прожитой жизни и его деяний. В связи с этим, вырисовывается сложная картина представлений об определении судьбы в загробном мире.

Немаловажным является определение того, что Эрлик хан выступает в образе демиурга, владельца и главного сакрального судьи, к нему обращаются в ритуалах наивысшего посвящения,веряют ему свою судьбу, чтобы он визировал и благословил. Если ранее считалось, что к Эрлик хану обращались лишь в крайних случаях, обычно в случае тяжелой болезни, то разбор семантики и

структуры мифологических верований, связанных с представлениями о мире мертвых, дает нам основание полагать, что функции восточных хатов не всегда представлялись злыми и отрицательными, а наоборот, возносились на высокий уровень доверия.

Формирование административной службы и возникновение должностных лиц в связи с вхождением бурят в состав Российского государства повлекли за собой сакрализацию родовой преемственности должностного звания и чина, послужили основой формирования культов с деятельностью родоначальников, писарей как новых религиозно-мифологических аспектов в духовной культуре бурят, основанных на шаманских воззрениях. Подобные мировоззренческие аспекты, связанные с историческими реалиями этнокультурного развития бурят представляют собой специфические мотивы в мифологии населения Предбайкалья и позволяют говорить о развитии и разностадиальном становлении традиционных верований.

Библиографический список

- Аламжи Мэргэн. Новосибирск: Наука, 1991. 312 с.
- Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1970. 364 с.
- Болхосоев С.Б. Избранничество: феномен шаманской наследственности духа у предбайкальских бурят. Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. 247 с.
- Бурнаков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107–114.
- Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука. 1987. 154 с.
- Ермолова Н.В. Картина мира мертвых в эвенкийской вселенной // Сибирский сборник–I. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. Санкт-Петербург, 2009. С. 104–111.
- Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.
- Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000. 395 с.

References

- Alamzhi Mergen. 1991. Novosibirsk: Nauka Publ. 312 p. (In Russ.)
- Baldaev S.P. 1970. Genealogies and legends of the Buryats. Ulan-Ude: Buryatskoe kniznoe izdatelstvo Publ. 364 p. (In Russ.)
- Bolkhosoev S.B. 2016. Chosenness: the phenomenon of shamanic continuity of the Cis-Baikal Buryats. Ulan-Ude: IPK FGBOU VO VSGIK Publ. 247 p. (In Russ.)
- Burnakov V.A. 2011. Erlik Khan in the traditional worldview of the Khakas. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia]. No. 1 (45). Pp. 107–114. (In Russ.)
- Galdanova G.R. 1987. Pre-lamaic beliefs of the Buryats. Novosibirsk: Nauka Publ. 154 p. (In Russ.)
- Ermolova N.V. 2009. Picture of the world of the dead in the Evenki universe. *Sibirskii sbornik–I. Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Siberian collection–I. The funeral ceremony of the peoples of Siberia and adjacent territories]. Book 1. Sankt-Petersburg. Pp. 104–111. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. 2001. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel Diaries 1903–1907]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. 380 p. (In Russ.)
- Zhambalova S.G. 2000. Profane and sacred worlds of the Olkhon Buryats (XIX–XX centuries). Novosibirsk: Nauka Publ. 395 p. (In Russ.)

Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в.: Очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 240 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 127 с.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.

Миягашева С.Б. Клятва и присяга в правовой системе бурят // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы IX международной научной конференции. Улан-Удэ, 2018. С. 198–202.

Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Восточная литература, 2002. 222 с.

Потапов Л.П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, ГАНИИЯЛИ, 1983. С. 96–110.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009а. 366 с.

Содномпилова М.М. Путь в иной мир в мифоритуальной традиции монгольских народов // Сибирский сборник–I. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. Санкт-Петербург, 2009б. С. 73–80.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2004а. Т. 1. 508 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004б. Т. 2. 312 с.

Цыбикдоржиев Д.В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 292 с.

Цыденова Д.Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2009. 194 с.

Сведения об авторе

Миягашева Суржана Борисовна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра восточных рукописей и киелографов,

Kudryavtsev F.A. 1940. The history of the Buryat-Mongolian people from the XVII century until the 60s XIXth century. Essays. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 240 p. (In Russ.)

Manzhigeev I.A. 1978. Buryat shamans and pre-shamans terms. Experience of atheistic interpretation. Moscow: Nauka Publ. 127 p. (In Russ.)

Mikhailov T.M. 1980. From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the XVIII century). Novosibirsk: Nauka Publ. 320 p. (In Russ.)

Miyagasheva S.B. 2018. Oaths in the Buryat legal system. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Materials IX International Scientific Conference]. Ulan-Ude. Pp. 198–202. (In Russ.)

2002. Rites in traditional Buryat culture. Moscow: Vostochnaya literature Publ. 222 p. (In Russ.)

Potapov L.P. 1983. Myths of the Altai-Sayan peoples as a historical source. *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya* [Questions of archeology and Ethnography of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk: GANIIYaLI Publ. Pp. 96–110. (In Russ.)

Radlov V.V. 1989. From Siberia: the diary pages. Moscow: Nauka Publ. 749 p. (In Russ.)

Sodnompilova M.M. 2009a. The world in the traditional worldview and practical activities of the Mongolian peoples. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. 366 p. (In Russ.)

Sodnompilova M.M. 2009b. Path to another world in the mythological tradition of the Mongolian peoples. *Sibirskii sbornik–I. Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Siberian collection–I. The funeral ceremony of the peoples of Siberia and adjacent territories]. St. Petersburg. Book 1. Pp. 73–80. (In Russ.)

1988. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri* [Traditional world worldview of the Turks of South Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ. 225 p. (In Russ.)

Khangelov M.N. 2004a. Collected works. In 3 vol. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ. Vol. 1. 508 p. (In Russ.)

Khangelov M.N. 2004b. Collected works. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ. Vol. 2. 312 p. (In Russ.)

Tsybikdorzhiev D.V. 2003. Origin of ancient Mongolian military cults (according to folklore and ethnographic materials of the Buryats). Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. 292 p. (In Russ.)

Tsydenova D.Ts. 2009. Representations of the Aginsk Buryats about life and death (late XIX – early XX century). Novosibirsk: RITs NGU Publ. 194 p. (In Russ.)

Information about the author

Surjana B. Miyagasheva,
Cand. Sci. (History), research staff of the Center of Oriental manuscripts,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН,
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

Критерии авторства

С.Б. Миягашева провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the
Siberian branch of the Russian Academy of sciences,
6 Sahyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation,
e-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

Attribution criteria

Miyagasheva S.B. conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.